

ПОДПИСКА

ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Тифлисъ: въ Редакціи, находящейся при Типографіи, что на Александровск. площади и у комисіонера ея, Г. В. Берештама; а также въ Губ. Почт. Конторѣ. Въ С.-петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С.-петербург. Почтамта. Въ Москвѣ: у комисіонера Импер. Моск. Университ. Ф. О. Сившикова.

КАВКАЗЪ,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

№ 54.

Въ губерніяхъ: въ Губернскій Дѣлѣт. Конторѣхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

За гдлету «Кавказъ» безъ казенныхъ прибавл. 9 р., съ прибавл. 12 руб. 50 к. За одинъ казенный прибавленія 5 р. Съ частныхъ объявленій, печатаемыхъ въ газетѣ, взимается по 1/4 коп. сереб. съ буквы.

С О Д Е Р Ж А Н І Е:

Истинныя распоряженія Высочайшіе приказы по военному ведомству отъ 3, 4 и 5-го апрѣля.

Политическое обозрѣніе.

Фельетонъ. Нѣсколько мыслей по поводу публичныхъ лекцій г. Желиховскаго.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЪ СЪ О ВѢ Щ Е Н Н Ы Е П Р О Ч І Е ДѢ Л А

по Кавказской Арміи.

Апрѣля 3-го дня, 1861 года. Увольняются отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ: Пехотныхъ полковъ: Севастопольскаго Штабсъ-Капитанъ Чекоевъ, съ муниромъ, и 6-го резервнаго баталіона Прапорщикъ Сладковскій, Подпоручикомъ. Кабардинскаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Барятинскаго, Штабсъ-Капитанъ Козилцовъ, Капитаномъ и съ муниромъ, и Подпоручикъ Пеньковъ.

Апрѣля 4-го дня. Производится, въ сравненіе съ сверстниками: 6-го резервнаго баталіона Дагестанскаго Пехотнаго полка Штабсъ-Капитанъ Годорозій-Чикаленко, въ Капитаны, со старшинствомъ съ 4-го іюня 1859 года. Пер-

водител: Куринскаго Пехотнаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича полка Прапорщикъ Наурузовъ—въ Севастопольскій Пехотный полкъ.

Апрѣля 5-го дня. Назначаются: Пехотныхъ полковъ: Рязскаго Майоръ Гессель—Городничимъ въ г. Наровчатъ. Кубанскаго, Капитанъ Ивановъ—Ставропольскимъ Пляцъ-Адъютантомъ, — оба съ зачисленіемъ по Армейской Пехотѣ. Увольняется, въ отпускъ: Командиръ 20-го Стрѣлковаго баталіона, Флигель-Адъютантъ Его Императорскаго Величества, Подполковникъ Салтополь-Пастъ-Мирскій, для излеченія болѣзни, за границу: въ Германію и Францію, на четыре мѣсяца.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дублинская газета «Irishman» съ восторгомъ отзывается о великой общественной реформѣ, совершенной въ Россіи, и говоритъ, что отнынѣ участь русскихъ крестьянъ обезпечена, между тѣмъ, какъ положеніе поселянъ ирландскихъ становится все болѣе-и-болѣе безотраднѣе. И прежде уже русскіе крестьяне находились на попеченіи своихъ помѣщиковъ, которые должны были доставлять имъ

средства къ жизни, тогда-какъ ирландскіе, которыхъ заставляють работать круглый годъ, не могутъ жать никакого улучшенія судьбы своей, и арендаторамъ предоставляется полное право выгнать ихъ и тѣмъ доводить иногда до голодной смерти или, по-крайней-мѣрѣ, до нищеты.

— Съ парламентскимъ объявленіемъ графа Кавура о необходимости согласія Франціи на занятіе Рима итальянцами совпали самыя-дѣятельныя дипломатическія сношенія между правительствами Виктора-Эмануила и Лудовика-Наполеона: повѣздки графа Арезе изъ Турина въ Парижъ и г. Бенедетти изъ Парижа въ Туринъ. Заодно съ этими дипломатами должны дѣйствовать въ Римѣ г. Бензо, родственникъ Кавура, и многія другія лица. Итальянское правительство хлопочетъ о томъ, чтобы убѣдить папу къ принятію слѣдующихъ условій: церкви будетъ предоставлена полная независимость, назначеніе архіепископовъ, епископовъ и священниковъ, завѣдываніе имуществомъ и личнымъ составомъ духовенства; монастыри, съ своими владѣніями, перейдутъ въ исключительное распоряженіе папы. Папа, съ своей стороны, долженъ уступить Римъ, съ условіемъ, что государство ни въ какомъ случаѣ не станетъ вмѣшиваться въ дѣла церковныя; однимъ-словомъ — графъ Кавуръ требуетъ отъ Пия IX совершеннаго отреченія отъ свѣтской власти. Папа, разумѣется, не захо-

ФЕЛЬЕТОНЪ.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

ПО ПОВОДУ ПУБЛИЧНЫХЪ ЛЕКЦІЙ

Г. ЖЕЛИХОВСКАГО.

(Сообщено)

Публичныя лекціи въ Тифлисъ! Публичныя лекціи изъ геологіи! Вѣроятно подобными возгласами инородные жители встрѣтятъ извѣстіе о публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ г. Желиховскимъ во время великаго поста, въ залѣ гимназіи. Это изумленіе еще болѣе возрастетъ при извѣстіи, что число слушателей г. Желиховскаго простиралось до 400. Находя чувство удивленія весьма естественнымъ въ этомъ случаѣ, мы думаемъ, что оно исчезнетъ, коль скоро мы присмотримся получше къ предстоящему явленію и уяснимъ себѣ его причину. Но прежде нежели мы примемъ за это дѣло, считаемъ нужнымъ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Въ прежній времена умственная образованность составляла принадлежность слишкомъ немногочисленнаго класса; науки составляли достояніе незначительнаго кружка ученыхъ, бывшаго въ некоторомъ родѣ корпораціею. Жизнь и школа составляли тогда два особенные, рѣзко отдѣлявшія другъ отъ друга міра; это были два лагеря, если не враждебные, то во всякомъ случаѣ взиравшіе другъ на друга съ презрѣніемъ; жизнь и наука хотѣли во что бы то ни стало двигаться особенными путями. Но какіи были послѣдствія этого разобщенія между жизнью и наукою? Какое было движеніе той и другой? Отвѣтъ на этотъ вопросъ записала на своихъ скрижаляхъ исторія многихъ вѣковъ, изображающая чрезвычайно медленное развитіе наукъ и выскѣ съ тѣмъ невѣжество, бѣдность и грубость общества. Мы не пишемъ этюда по этому предмету, а потому не станемъ указывать на процессъ, какъ въ обществахъ мало по малу, все яснѣе и яснѣе стало выработываться сознаніе тѣсной, другъ друга обуславливающей связи между развитіемъ общества и наукъ; скажемъ только, что это сознаніе болѣе стало развиваться въ новыя времена,—и теперь развѣ какой нибудь запоздалый средневѣковой ученый, или германскій педантъ будутъ утверждать, что наука существуетъ для науки. Съ этихъ поръ ученые стали сознать себя членами общества и наравнѣ съ прочими смертными стали подчиняться общественному мнѣнію. Съ этого времени насъ поражаетъ довольно странное по видимому явленіе: самыя смѣлыя умы, полагающіеся слишкомъ много на авторитетъ своего мнѣнія и отвергающіе авторитетъ другихъ, смиряются

предъ тѣмъ отвлеченнымъ понятіемъ, какое заключается въ словѣ: общественное мнѣніе. Это заставило одного извѣстнаго писателя сказать: «je sais quelqu'un qui sait plus que moi, plus que mm. Voltaire et Rousseau; ce quelqu'un, c'est tout le monde». Извѣстный естествоиспытатель Буффонъ, такимъ рѣшительнымъ тономъ высказывающій свои смѣлыя гипотезы, имѣлъ обыкновеніе передъ тѣмъ, какъ принимался за письменное изложеніе своего мнѣнія, парадаться самымъ тщательнымъ образомъ, воображая, что онъ высказываетъ свои мысли предъ самымъ лучшимъ обществомъ. Эти и множество подобныхъ фактовъ подтверждаютъ только то, что мы выше сказали о значеніи общественнаго мнѣнія для ученыхъ. Съ другой стороны, общество стало все болѣе и болѣе интересоваться научными вопросами и извлекать изъ нихъ пользу, какъ въ умственномъ отношеніи, такъ и въ приложеніи къ промышленности, нравственности и разнымъ отраслямъ общественной жизни. Мало по малу умственная образованность сдѣлалась необходимою потребностью новыхъ обществъ, необходимымъ условіемъ ихъ существованія въ такомъ видѣ, въ какомъ они теперь находятся.

При такомъ великомъ значеніи наукъ, не станемъ удивляться тому, что многіе умы сильно заняты были приисканіемъ средствъ для лучшаго распространенія въ обществѣ научныхъ познаній. Многіе писатели, въ особенности французскіе и англійскіе, старались, посредствомъ популярныхъ изложеній научныхъ вопросовъ, ознакомить съ послѣдними большія массы народонаселенія,—и уже въ началѣ XVIII вѣка Аддисонъ, извѣстный публицистъ и журналистъ, хвастался, что онъ освободилъ изъ заточенія великія философскія мысли, заключенныя прежде въ многотомныхъ, тяжелыхъ книгахъ, покоившихся подъ замкомъ въ запыленныхъ шкапахъ, и пустилъ ихъ на свободу, въ свѣтъ, сдѣлавъ ихъ достояніемъ цѣлыхъ массъ. Можетъ быть многіе и теперь еще увѣрены въ томъ, что только посредствомъ популярныхъ сочиненій можно ознакомить большія массы съ современными научными вопросами. Конечно, популярныя книги составляютъ сильный двигатель умственной образованности, потому что онѣ могутъ сдѣлать доступными для людей, непосвященныхъ въ науки, результаты продолжительныхъ научныхъ изслѣдованій; но ни въ какомъ случаѣ нельзя утверждать, чтобы популярныя курсы представляли собою единственное средство для заинтересованія данныхъ массъ научными вопросами; ни въ какомъ случаѣ популярное сочиненіе, какъ бы оно ни было написано удобопонятно, не замѣнитъ собою живаго, яснаго, изустнаго изложенія науки, посредствомъ котораго только и можно ввести ее въ общество и сообщить ей жизнь. Мы не будемъ здѣсь распространяться о преимуществѣ подобнаго способа передачи по-

знаній, не будемъ этого дѣлать между прочимъ и потому, что никто изъ образованныхъ людей навѣрно не станетъ доказывать что нибудь противное. Укажемъ только на нѣсколько поразительныхъ фактовъ, подтверждающихъ нашу мысль. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Англій стали входить въ моду такъ называемыя Mechanic's Institutions (ремесленные заведенія), въ которыхъ первоначально по вечерамъ и по праздникамъ собирались ремесленники для чтенія книгъ. Многіе англійскіе филантропы сначала заботились всѣми средствами о снабженіи этихъ заведеній популярными сочиненіями; но вскорѣ они убѣдились въ недостаточности этой мѣры и должны были ввести публичныя чтенія. Теперь обыкновенно въ этихъ Mechanic's Institutions по вечерамъ является какой нибудь преподаватель и читаетъ публичную лекцію, по окончаніи которой онъ дѣлаетъ своимъ слушателямъ разныя поясненія, указываетъ на книги, которыя нужно прочесть для уясненія предмета его чтенія. Въ этой же странѣ много лицъ изъ высшаго, образованнаго класса основали такъ называемое British Association (британское общество). Въ это общество поступаютъ и ученые, и люди съ вѣсомъ, властвующіе средствами для распространенія въ народѣ познаній. Общество собирается не въ одномъ только мѣстѣ, но попеременно въ разныхъ городахъ Англій, съ цѣлью заинтересовать научными вопросами разныя мѣста страны. Во время засѣданій этого общества ученые излагаютъ по возможности популярнымъ образомъ свои взгляды на разные предметы. Во время этихъ чтеній можетъ присутствовать каждый. Мало того, присутствующій можетъ предлагать вопросы, требовать поясненій. Въ слѣдъ за этимъ общество обнародываетъ отчетъ о своихъ засѣданіяхъ. Упомянемъ еще о многочисленныхъ ученыхъ конгрессахъ, собиравшихся въ послѣдній времена въ разныхъ мѣстахъ, о публичныхъ лекціяхъ даже въ малыхъ городахъ; сообразимъ все сказанное нами по поводу изустнаго изложенія предметовъ и мы согласимся окончательно съ мнѣніемъ о неоспоримой пользѣ публичныхъ чтеній.

Но послѣднимъ замѣтитъ, что публичныя лекціи почти до послѣднихъ временъ еще не возбуждали въ обществѣ того сочувствія, какимъ онѣ теперь пользуются во всѣхъ образованныхъ странахъ. Еще не такъ далеко отъ насъ то время, когда даже въ образованныхъ странахъ аудиторіи лучшихъ преподавателей оставались пусты, между-тѣмъ какъ какой нибудь шарлатанъ Барномъ собиралъ вокругъ себя карликами и обезьянами толпы зрителей. Стоитъ только вспомнить, что знаменитый другъ человечества Амперъ, посвятившій свою жизнь исправленію значительной части нравственно падшихъ людей, посвѣтившій съ этою цѣлю почти всѣ замѣчательныя тюремныя заведенія и вслѣдъ за этимъ изъявившій желаніе изложить

четь и слышать объ этихъ предложеніяхъ; но Римъ всетаки необходимъ для Италіи, необходимъ тѣмъ болѣе, что Флоренція съ похвальною скромностію отказалась отъ титула итальянской столицы, столь обязательно предложеннаго ей г-мъ Мессиню д'Азеліо. Итакъ гдѣ же ключъ къ Риму?

Ключи св. Петра находятся теперь во Франціи. Но тамъ продолжаются, по-прежнему, споры за папу.

До-сихъ-поръ съ протесты свѣтской партіи были только отрицательными отвѣтами на вопросъ. Но мы хотимъ положительнаго отвѣта, который, разрушая старое, могъ бы на его мѣстѣ создать новое. Такой отвѣтъ, однако, въ настоящую минуту недостижимъ и причины этихъ затрудненій весьма ясно выражены г. Деллингеромъ, въ первой изъ лекцій о Церковной Области, чтъ нѣхъ имъ недавно въ Мюнхенѣ: «Папское правительство, по словамъ лектора, вращается въ ложномъ кругу: дастъ оно большія льготы—тогда противники его получатъ только новое оружіе для борьбы съ нимъ; откажетъ оно въ улучшенияхъ—тогда усугубится неудовольствіе. Однако, какъ измѣнились обстоятельства! Когда Пій VII, будучи свергнутъ съ престола Наполеономъ I, отплатилъ ему отлученіемъ отъ церкви, то народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ первосвященника и всѣ его подданные, находившіяся во французской службѣ, отказались отъ мѣстъ сво-

лично свои взгляды по этому предмету въ значительныхъ городахъ Европы, встрѣтилъ почти равнодушіе въ такъ называемой образованной публикѣ, бывшей въ то время безъ ума отъ нѣсколькихъ на Ла-Монтесъ, вскружившихъ голову не одному соотечественнику Ньютона и Лейбница. Вотъ разительные факты, которые явно свидѣтельствуютъ о недостаткѣ серьезнаго направленія образованнаго общества еще въ недавнее время. Но новѣйшая цивилизація быстро идетъ впередъ,—въ послѣдніе годы и публичныя лекціи вошли въ моду, скажемъ больше: слѣдательныя принадлежностью всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ обществъ; въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напримѣръ въ Германіи, такъ измѣнился вкусъ публики, такъ публичныя лекціи вошли во всеобщій обычай, что Казанова, производившій тамъ прежде, съ каждымъ своимъ появленіемъ, неизобразимый фуроръ, высказывалъ публично въ одномъ русскомъ городѣ, что его обезьянѣвать нечего теперь дѣлать въ Германіи. Въ послѣднее время публичныя лекціи стали входить въ моду и въ Россіи: во многихъ городахъ преподаватели своимъ искуснымъ, популярнымъ изложеніемъ привлекаютъ на свои лекціи многочисленную публику; въ Тифлисѣ уже два года сряду читаются публичныя лекціи, посѣщаемыя въ большомъ количествѣ образованнымъ классомъ этого города. При такомъ интересѣ, какой возбуждаютъ публичныя чтенія, считаемъ, что не будетъ излишнимъ рѣшеніе слѣдующаго вопроса: какой характеръ должны имѣть публичныя лекціи для того, чтобы онѣ занимали публику и производили на нее благотворное вліяніе?

Если примемъ въ соображеніе различія степени развитія публики, то публичныя лекціи можно подвести подъ три категоріи. Къ первой категоріи относятся публичныя лекціи, излагаемая тамъ, гдѣ сильно развито желаніе пополнить свои познанія. Для подобнаго рода слушателей нужно проходить болѣе или менѣе систематическій курсъ извѣстнаго предмета. Во вторыхъ, есть города, гдѣ образованное общество интересуется современными научными вопросами. Для подобнаго класса слушателей ученые обыкновенно излагаютъ новыя воззрѣнія на предметъ и свои собственныя взгляды. Но есть такія города, въ которыхъ ни первый, ни второй случай не имѣютъ мѣста,—и публичныя лекціи, читаемая для подобной категоріи публики, должны имѣть совершенно другой характеръ. Преподаватель въ этомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, долженъ поставить на первомъ планѣ не желаніе познакомить публику съ своею наукою въ подробностяхъ, но возбужденіе въ своихъ слушателяхъ живаго интереса къ наукѣ; въ этомъ случаѣ краснорѣчивый преподаватель, указывая на тайны мірозданія и великія открытія въ человечествѣ, долженъ стараться вызвать въ публикѣ потребность къ пріобрѣтенію свѣдѣній, поддерживать въ ней неясно-сознаваемое желаніе стать въ уровень съ образованнымъ человечествомъ не по однимъ только пальто, галстукамъ и кринолинамъ. Ясно, что преподавателю труднѣе всего имѣть дѣло съ послѣднею категоріею слушателей: въ этомъ случаѣ не достаточно обладать обширными свѣдѣніями въ своей наукѣ, слѣдуетъ шагъ за шагомъ за ея развитіемъ и быть даже оригинальнымъ излагателемъ; но нужно владѣть тѣмъ магическимъ даромъ истиннаго краснорѣчія, который неволью двигаетъ бы общество впередъ, который сообщаетъ бы неопредѣленнымъ, безотчетнымъ влеченіямъ образъ и жизнь. Подобный преподаватель прежде всего долженъ стараться поставить себя, при своемъ изложеніи, въ уровень съ своими слушателями; въ противномъ случаѣ онъ сдѣлаетъ совершенное фіаско. Намъ случалось слышать не одну публичную лекцію и не въ одномъ городѣ,

ихъ. Когда онъ возвращался изъ пѣна, то его путь въ Церковную Область казался триумфальнымъ шествіемъ: такъ довольны были всѣ, повидимому, тѣмъ, что свергли съ себя французское иго. Но уже въ то время кардиналъ Пакка мечталъ о всемірной монархіи, со всеми ея послѣдствіями для власти папы. Эта мысль очевидно не бытъ точна въ томъ видѣ, какъ представляли ее себѣ кардиналъ Пакка; а между-тѣмъ, только при ея осуществленіи папа можетъ достигнуть полной независимости!

При такихъ безпрерывныхъ противорѣчіяхъ, лежащихъ въ самой сущности дѣла, при такой будущности папства, есть ли хоть малѣйшее вѣроятіе, чтобы переговоры, начатые съ римскимъ дворомъ, увѣнчались успѣхомъ? Намъ кажется, что изъ всѣхъ вышесказанныхъ политическихъ вопросовъ, это единственный, на который можно заранѣе дать опредѣлительный отвѣтъ... Вѣрное и неизмѣнное populum будеть однозвучнымъ откликомъ на всѣ предложенія—до-тѣхъ-поръ, пока не произойдетъ политическо-религіознаго переворота въ западной церкви.

Вотъ почему оказывались до-сихъ-поръ неудачными всѣ, какъ пріемы, такъ и побочныя средства, употребленныя въ дѣло графомъ Кавуромъ, чтобы войти въ соглашеніе съ Римомъ. Никого не удивитъ, напримѣръ, неуспѣхъ домогательствъ профессора Пассалья передъ кардиналами

Общее явленіе, подмѣченное нами при этомъ, есть слѣдующее: посѣтитель, послушавъ внимательно лекцію съ четверть часа, приходитъ болѣе или менѣе въ то состояніе, въ которомъ находится профанъ въ музыкѣ, слушающая какую-нибудь музыкальную пьесу: не понимая ея смысла, онъ невольно увлекается въ міръ мечтаній; тоже дѣлаетъ и слушатель послѣдней категоріи. Въ этомъ случаѣ совершенно вѣрно сходство между профанами въ музыкѣ и профанами на публичныхъ лекціяхъ. Разница между тѣми и другими заключается въ томъ, что, когда профанъ въ музыкѣ можетъ до окончанія музыкальной пьесы вызывать въ себѣ попеременно различныя чувства, то профану на публичныхъ лекціяхъ очень скоро надобно погруженіе въ міръ внутреннихъ созерцаній. Онъ начинаетъ искать развлеченій и глаза его совершаютъ прогулку то по преподавателю, то по посѣтителямъ, то по лампамъ и т. д.; особенное вниманіе посвящается опоздалымъ слушателямъ, составляющимъ новый предметъ для наблюденій. Само собою разумѣется, что подобныя развлеченія утомляютъ слушателя, у котораго является зѣвота, все болѣе и болѣе возрастающая и нѣрѣдко окончивающаяся смыканіемъ глазъ. Минерва уступаетъ мѣсто Морфею. Ясное дѣло, что подобный составъ слушателей производитъ самое грустное впечатлѣніе на преподавателя и нѣрѣдко вызываетъ съ его стороны различныя усилія: голосъ его начинаетъ возвышаться до самой сильной ноты; у него являются такія краснорѣчивыя жесты, которыми позавидовалъ бы не одинъ восторженный ораторъ,—но увь, все напрасно! Здѣсь невольно возникаетъ въ нашей памяти разговоръ объ одномъ протестантскомъ проповѣдникѣ въ Германіи, слушатели котораго обладали удивительною способностію приходиться въ дремоту отъ его проповѣдей. Чтобы пособить горю, проповѣдникъ дѣлалъ немовѣрныя усилія: кричалъ, кашлялъ, по временамъ даже плакалъ отъ умиленія,—и все напрасно! Къ счастью, онъ былъ поклонникомъ гомеопатіи, и положеніе: similia similibus curantur повело его къ тому простому заключенію, что наркотикъ лучше всего изгонять наркотикомъ же. Слѣдуя этой мысли, нашъ проповѣдникъ обзавелся табакеркою, которую предъ проповѣдью тщательно наполнял неопыненнымъ составомъ никота. Едва замѣчалъ онъ наркотическое вліяніе своего слова на слушателей, какъ вынималъ изъ кармана табакерку и плотно наполнялъ ея составомъ свои позри,—и тогда... Если, по мнѣнію сказаніемъ древнихъ грековъ, чиханіе Зевса потрясло Олимпъ и всю вселенную, то почему чиханіе нашего проповѣдника не могло бы произвести сильнаго сотрясенія нервовъ въ его слушателяхъ? Но шутки въ сторону. Мы вовсе не думаемъ предписывать подобное средство, какъ рецентъ противъ той болѣзни, которую страдали слушатели нашего проповѣдника; не думаемъ этого дѣлать и потому, что мы не вѣримъ ни въ какія универсальныя лекарства. Мы думаемъ, что у хорошаго преподавателя всегда найдутся нравственныя средства противодействовать усыпленію своей аудиторіи. Но въ этомъ случаѣ прежде всего онъ долженъ понять своихъ слушателей, изучить ихъ потребности и умѣть примѣниться къ нимъ; однимъ словомъ, онъ долженъ, какъ мы уже сказали, поставить себя въ уровень съ своими слушателями. Тогда его лекціи будутъ доступны и могутъ заинтересовать публику. Не лишнимъ считаемъ замѣтить при этомъ, что на публику послѣдней категоріи больше дѣйствуютъ образы, нежели отвлеченныя идеи; поэтому и изложеніе преподавателя должно быть по возможности картинное. Тамъ, гдѣ нужно изложить какой-нибудь законъ природы, нечего владѣться въ слишкомъ отчетливое изложеніе его; а лучше всего, если это возможно, привязать его къ самымъ же образамъ.

Сантуочи и Антонелли; послѣднему опъ, какъ убѣждаютъ, предлагалъ «благодарность» отъ графа, но оба прелата показали ему двери; неменѣе очевидна причина отказанія: кого необходимаго человека, какъ извѣстный въ Римѣ врачъ Пауталеони: онъ обратится съ подобными планами къ самому папѣ и, несмотря на ходатайство самого генерала Гойона, долженъ былъ выѣхать изъ Рима въ 48 часовъ...

Нѣтъ, повторяемъ еще разъ, вмѣстѣ съ г. Кавуромъ: Франція, одна только Франція въ состояніи разрѣшить затрудненіе.

(Сиб. В.)

— Французскія газеты въ высшей степени недовольны тѣмъ, что Гарибальди назвалъ въ палатѣ французскія войска въ Римѣ *непріятельскими* и «Constitutionnels», напримѣръ, подсмѣивается надъ *выходкой* его въ итальянскомъ парламентѣ, говоря, что онъ лучше умѣетъ управлять своими солдатами, чѣмъ самимъ собою, а газета «Opinion Nationale», прозванная «Монитеромъ Гарибальди», высказываетъ объ этомъ взглядъ на французское заглавіе слѣдующее характеристическое мнѣніе: «Мы узнали изъ «Монитера», что Гарибальди назвалъ въ итальянскомъ парламентѣ французскую армию *непріятельскою*, потому что она занимаетъ Римъ. Мы сдѣлаемъ на этотъ счетъ лишь слѣдующее замѣчаніе. Благодаря политикѣ, которой мы придерживаемся въ Римѣ, папа считаетъ насъ революци-

Далѣе, части лекцій, не смотря на всю ихъ тѣсную внутреннюю и вѣдную связь, должны быть резко обозначены слушателямъ,—это можетъ чрезвычайно облегчить послѣднимъ трудъ слѣдить за развитіемъ излагаемаго предмета. Наконецъ—и это вещь не маловажная—лекціи должны быть покороче. Въ противномъ случаѣ слушатели могутъ легко придти въ то состояніе, которое мы описали выше.

Но извините,—мы слишкомъ удалились отъ нашего главнаго предмета, отвлеклись отъ публичныхъ лекцій г. Желиховскаго и его слушателей.

Г. Желиховскій избралъ самое лучшее время для публичныхъ лекцій—Великій постъ. Это время располагаетъ общество какъ нельзя лучше къ такому серьезному препровожденію времени, каковымъ по справедливости должны почитаться публичныя лекціи. Предметъ, избранный преподавателемъ для чтенія, не менѣе достоинъ избранія: можетъ-ли мыслить человекъ быть равнодушнымъ къ исторіи той планеты, на которой разыгрывается великая, таинственная драма человеческого рода. Преподаватель глубоко проникнутъ тѣмъ убѣжденіемъ, что наша планета, мѣсто нашей дѣятельности, имѣетъ тоже свою жизнь, а слѣдовательно начало и развитіе, что она и теперь не представляетъ чего-то завершеннаго, не подлежащаго измѣненіямъ, наконецъ, что и въ будущемъ ее ожидаютъ различныя великія перевороты. Эту мысль г. Желиховскій высказывалъ, во время своихъ лекцій, съ увлеченіемъ, какъ мысль любимую, заветную, давнымъ давно взлелѣванную. Скажемъ по этому поводу, что подобная мысль, составляющая сущность геологій, можетъ показаться странною, даже дикою публикѣ, не посвященной въ научныя изслѣдованія. Нечего этому удивляться: всякая новая, возвышенная идея, выходящая изъ того заколдованнаго кружка понятій, который образовала наша обыденная, ежедневная жизнь, кажется съ перваго раза дикою. Но подобная встреча новыхъ мыслей не должна обезкураживать тѣхъ лицъ, которые ихъ высказываютъ; мало по малу новая идея перестаетъ быть дикою, и вызывая умъ изъ его заколдованнаго кружка, окрыляетъ его, сообщаетъ ему сильное движеніе. Въ этомъ и заключается жизненность великихъ научныхъ вопросовъ! Но извините,—мы опять заговорились, опять отвлеклись отъ нашего главнаго предмета. Возвратимся къ лекціямъ г. Желиховскаго, изложимъ самымъ краткимъ образомъ ихъ содержаніе. Преподаватель, напоминая о своемъ прошлогоднемъ курсѣ астрономіи, бросивъ взглядъ на мірозданіе, указавъ на землю, какъ на членъ вселенной, изложилъ гипотезу Лапласа объ образованіи земли. По этой гипотезѣ, подтверждаемой позднѣйшими изслѣдованіями ученыхъ, земля въ первобытный періодъ своего существованія составляла шарообразную, а потомъ жидкую, раскаленную массу, которой поверхность, въ слѣдствіе постояннаго ея охлажденія, образовала твердую кору, при чемъ отделились суша и воды. Но этимъ не окончились перевороты на землѣ; въ слѣдующія времена наша планета, испытавъ много метаморфозъ, преобразованій, въ слѣдствіе дѣйствія двухъ силъ: вулканической и пептунической. Въ слѣдствіе дѣйствія первой силы огонь, заключенный въ недрахъ земли, производилъ нѣрѣдко гибельныя землетрясенія, вулканическія изверженія и другія явленія, производившія и производящія измѣненія въ устройствѣ земной коры. Съ своей стороны океаны и другія воды своими передвиженіями либо производили измѣненіе въ очертаніи суши, либо подымали ее въ разныхъ мѣстахъ, сглаживали и раздосили ея частицы въ другія мѣста. Въ слѣдствіе дѣйствія двухъ силъ, вулканической и пептунической, образовывались различныя форма-

